

УДК 93/94

Об одном виде казни у волжских булгар доисламского периода: мифотворчество или реальный обычай?

А. Р. Мухамадеев,

*Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

A type of execution at the Volga Tatars of the pre-Islamic period: a myth-making or a real practice?

A. R. Mukhamadeev,

*Sh. Mardzhani Institute of History,
the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматривается один из видов казни, зафиксированный у волжских булгар доисламского периода – подвешивание на дерево заколоченного в ящик преступника, совершившего убийство. Автор статьи на основании многочисленных исторических источников делает попытку найти параллели этому виду казни, а также проследить его истоки. Исследование показало наличие схожих обычаев и традиций у тюрко-монгольских кочевников поздней древности и раннего Средневековья на территории Центральной Азии и Сибири. Особенно много схожих случаев зафиксировано в похоронных ритуалах группы народов дунху, а также их потомков. Опубликованные В. С. Таскиным исторические источники этнографического характера выявляют похожие примеры у таких этносов, как кидани, кумоси, шивэйцы и т. д., которые не предавали своих покойников земле. В частности, трупы скончавшихся родителей они располагали на деревьях, растущих в горах. Предположения, что эта оригинальная казнь была перенята волжскими булгарами у представителей огромного финно-угорского мира Волжско-Уральского региона, подтверждений не нашли. У них подобных обычаев не зафиксировано. На некоторые догадки могут натолкнуть лишь этнографические материалы народов Среднего Поволжья. Впрочем, обычай помещения в ящик (коробку, кузов) изображений божеств, духов и т. п., а также предназначенных им предметов, присутствовал и у тюркских народов. До недавнего времени он сохранялся и у поволжских чувашей. Указанный вид казни у волжских болгар напоминает и традицию воздушного погребения – один из древнейших религиозных обрядов похорон умерших людей, в котором «погребение» совершается путем подвешивания тела умершего в воздухе, с целью предания тела умершего воздуху, духу, свету, дереву и т. п. Так, воздушное погребение практиковалось у предков грузин, абхазо-адыгских народов, японцев, многих тюрко-монгольских народов (отчасти указанных нами) и народностей Севера России, индейцев Северной Америки и пр.

Abstract

The article examines one of the original types of execution recorded among the Volga Bulgars of the pre-Islamic period – hanging a criminal, who had committed a murder, nailed down in a box on a tree. The author of the article, based on numerous historical sources, makes an attempt to find parallels to this type of execution, as well as to trace its origins. The study revealed the presence of similar customs and traditions among the Turkic-Mongolian nomads of remote ages and the early Middle Ages in Central Asia and Siberia. Multiple similar cases were recorded in terms of the funeral rituals of a group of Donghu peoples, as well as their descendants. The ethnographic sources published by V. S. Taskins provide insight into similar examples among the ethnic groups of Khitan, Kumosi, Shiwei, etc., who did not consign bodies to the grave. In particular, they placed the corpses of decedent parents on trees growing in the mountains. The assumptions that this original execution was adopted by the Volga Bulgars from the representatives of the huge Finno-Ugric world of the Volga-Ural region have not been confirmed. They have no such customs recorded. Certain speculation can only be prompted by ethnographic materials of the peoples of the Middle Volga region. However, the custom of placing images of deities, spirits, etc., as well as the objects intended for them, into a box (container, pallet) was also present among the Turkic peoples. Until recent times, it has been preserved among the Volga Chuvashes as well. This type of execution among the Volga Bulgars has some resemblance to the tradition of air burial, one of the most ancient religious ceremonies of the burial of deceased people, in which “burial” is performed by hanging the body of the deceased in the air to give the body of the deceased to air, spirit, light, wood, etc. Thus, air burial was practiced among the ancestors of Georgians, Abkhaz-Adyghe peoples, Japanese, many Turkic-Mongol peoples (partially mentioned by us) and peoples of the North of Russia, North American Indians, etc.

Ключевые слова

Ибн Фадлан, волжские булгары, дунху, чувашаи, удмурты, обычай, казнь, похороны, воздушное погребение.

Keywords

Ibn Fadlan, Volga Bulgars, Donghu, Chuvashes, Udmurts, custom, execution, funeral, air burial.

Система и способы наказаний у волжских булгар языческого периода, особенно приведение в исполнение смертной казни, были весьма эффектными и разнообразными. Наряду с «простыми», ставшими обычными казнями (повешение, обезглавливание), применялись и специфические, зачастую необычные меры расправы (рассечение мечом человека пополам, помещение человека в заколоченный ящик, подвешиваемый на дерево, и другие нетрадиционные виды смертной казни). В целях устрашения и предупреждения преступлений среди соплеменников, как правило, смертная казнь приводилась в исполнение публично, а тела казненных преступников подолгу оставались на месте казни¹.

Подобные казни в обществе волжских булгар довольно подробно описаны арабским мусульманским миссионером Ибн Фадланом, лично побывавшим в Среднем Поволжье в начале X в. Трудно не согласиться с мнением Э. Р. Тагирова, который, упоминая о том, что тела отдельных преступников, великанов-богатырей и людей с необыкновенными умственными способностями, не предавались земле, говорит, что некоторые доисламские языческие обряды и ритуалы были весьма необычными и не имели аналогов в других культурах². В частности, он имеет в виду наказание, связанное с помещением человека в деревянный ящик, затем крепко заколачиваемый и подвешиваемый на дерево.

Как и в других обществах, одним из наиболее тяжких преступлений против личности у волжских болгар доисламского периода считалось убийство. Вместе с тем, волжские болгары различали преднамеренное убийство от непредумышленного лишения человека жизни. Однако, как указывают источники, непредумышленное убийство соплеменника осуждалось не меньше и предусматривало не менее жестокое наказание, суть которого сводилась к следующему.

Как описывает Ибн Фадлан, для такого преступника изготавливали большой ящик из березовых досок, помещали его внутрь, давали ему три лепешки и кружку с водой и накрепко заколачивали гвоздями. Затем водружали три высоких бревна, «наподобие верблюжьего седла», между которыми подвешивался ящик с несчастным. Присутствующие при этом говорили: «Мы помещаем его между небом и землей, чтобы постигло его действие дождя и солнца. Авось, Аллах смилостивится над ним». Затем все расходились с места казни, оставив преступника на верную смерть. Заколоченный ящик с человеком оставался подвешенным, пока «не износит его время и не развеют его ветры»³.

Среди большинства исследователей Волжской Булгарии и в околону научных кругах описанное Ибн Фадланом явление считается беспрецедентным в уголовном праве не только для тюркских народов, но и в мировой практике. Другие исследователи категорически не признают существование подобного наказания у волжских болгар. Они утверждают, что Ибн Фадлану об этом рассказал некий «информатор», а сам арабский миссионер своими глазами вовсе не видел и не мог видеть заколачивание обреченного на смерть преступника в ящик. Правда, представители этой группы не публикуют свои рассуждения, а предпочитают высказывать свою позицию в устных дискуссиях. Признавая часть сообщений Ибн Фадлана как исторические факты, другую часть сведений арабского современника событий, исходя из своих убеждений, они называют обычным мифотворчеством или непониманием иностранцем сути и обстоятельств происходящего.

Кто же прав в данном случае? Чтобы разобраться в этом, мы попробовали найти исторические примеры, хотя бы приблизительно схожие с описанной Ибн Фадланом казнью. Таковые не только обнаружили, но нашлись в истории именно тюрко-монгольских народов. Так, Э. Паркер, изучавший раннюю историю кочевников, отметил особенности похорон у племен, обитавших севернее енисейских киргизов. В частности, он писал: «северными соседями киргизов были орочи, тупо и другие тунгусские племена. Различные детали их образа жизни, как то: помещение тел покойных в ящики и развешивание их на деревьях – все это указывает на тунгусский уклад»⁴. В своем исследовании Э. Паркер называет тунгусами потомков древнего центральноазиатского народа дунху.

Упомянув киданей, Э. Паркер пишет, что они «принадлежали к тому же народу, что и кумоси... оба племени придерживались обычая развешивать тела покойных на деревьях в горах... через три года еще и собирали кости и сжигали их, совершая возлияния и произнося следующие слова: “Зимой в полдень я могу есть, глядя на юг, летом – глядя на север, в моих охотничьих угодьях всегда много свиней и оленей”»⁵.

Согласно китайскому источнику, кидани считали, что горький плач по умершему отцу или матери приносит несчастье, поэтому трупы скончавшихся родителей располагали на деревьях в горах, а по прошествии трех лет собирали кости и сжигали их. При этом они наливали вино, молились и говорили: «В зимние месяцы ешьте лицом к свету, в летние месяцы ешьте лицом к тени, когда я буду охотиться, помогите мне побольше добыть кабанов и оленей»⁶.

Подобные сведения из китайских источников мы также можем получить из переводов В. С. Таскина. В «Истории династии Суй» говорится: «Предки киданей одного корня, но разной ветви с кумоси... Считают, что тот, кто горько плачет по умершему отцу или матери, слаб; [в отличие от китайцев] трупы скончавшихся родителей только кладут на деревьях в горах, а по прошествии трех лет собирают кости и сжигают их. При этом совершают возлияние вином, молятся, приговаривая: «В зимние месяцы кушайте лицом к свету; когда я буду охотиться, помогайте мне побольше добыть кабанов и оленей»⁷. В этом же источнике о кумоси сказано: «Кумоси и кидани постоянно нападают друг на друга, кумоси захватывают имущество и скот и получают за это награды. Трупы умерших обертывают тростником и вешают на деревья»⁸. В «Истории династии Чжоу» написано, что кумоси «являются отдельной ветвью сяньбийцев... Трупы умерших обертывают тростником и вешают на деревья»⁹.

Н. Я. Бичурин сообщение о дубо (у Э. Паркера – тупо) из «Таншу» перевел так: «Покойников полагали в гробы и ставили в горах, или привязывали на деревьях. Провожая покойников, производили плач так же, как и тукюесцы»¹⁰. Вместе с тем, он определяет дубо как «гаогуйское поколение», т. е. уйгурское, а значит, тюркоязычное.

Как видим, в обычаях потомков народа дунху, о которых мы упомянули, находятся некоторые явные параллели с обстоятельствами указанной казни у волжских булгар. Это – заколачивание народом дубо своих покойников в деревянные ящики и подвешивание их на дерево, а также расположение народом кумоси своих покойников, обмотанных тростником, на деревьях. Однако в этих сообщениях речь идет о покойниках, подвешиваемых на дерево, а не о наказании преступников, т. е. мы наблюдаем похоронный обряд. С другой стороны, можно рассуждать с позиции того, что убийца у волжских болгар, заколоченный в ящик и подвешенный на дерево, уже никогда не будет выпущен оттуда, а значит, он – «живой труп». Можно ли связать эти два обычая, объединить их едиными корнями, вопрос неоднозначный, хотя схожесть основных действий налицо.

Как было указано выше, у киданей было принято не хоронить покойников, а подвешивать трупы на деревьях, но о гробах или деревянных ящиках у них информации нет (во всяком случае, в переводах источников). Об этом говорится и в других источниках. Так, в «Старой истории династии Тан» указывается, что: «По их обычаям, умершим не делают могил с [насыпными] холмами, а отвозят трупы на запряженной лошадью повозке в высокие горы и кладут на деревья... Нет отдельных правил для траура»¹¹. В «Новой истории династии Тан» о похоронных обычаях киданей следующие сведения: «Умершего не хоронят в могилу, а на повозке, запряженной лошадью, труп увозят в горы и кладут на самые верхние ветви дерева... Нет также сроков для траура»¹². В «Записях по истории пяти династий»: «Труп отвозят на повозке в дикие горы и кладут на вершину большого дерева. Через три года приходят туда, собирают кости и сжигают их. При этом совершают возлияние вина, молятся, приговаривая: «В летнее время кушайте лицом к свету, в зимнее время кушайте лицом к тени; сделайте так, чтобы во время охоты я добывал побольше кабанов и оленей». Их обычаи очень сходны с обычаями сисцев и мохэ»¹³.

Не хоронили мертвых и другие потомки дунху – шивэйцы. «История династии Вэй» сообщает: «В случае смерти отца или матери, сыновья и дочери оплакивают их в течение трех лет; труп умершего кладут на дерево в лесу»¹⁴. В «Истории династии Суй»¹⁵ и «Новой истории династии Суй»¹⁶ также говорится о трехдневном трауре

у шивэйцев, но покойников они клали на балаган (балаган – временная деревянная постройка различного назначения. – А. М.), построенный общими усилиями.

Некоторые другие племена, входящие в группу народов дунху, умерших все же предавали земле, как правило, в гробах. Среди них – ухуани и туюхуни. «История династии поздняя Хань» констатирует насчет похоронных обычаев ухуаней, что они «тело покойника кладут в гроб, плачем выражают скорбь, но во время похорон умершего провожают с песнями и плясками»¹⁷. «История династии Вэй»¹⁸, «История династии Чжоу»¹⁹, «Старая история династии Тан»²⁰, «Новая история династии Тан»²¹ предоставляют одинаковую информацию о том, что туюхуни всех умерших кладут в гробы и закапывают в землю. Траур снимается сразу же после погребения. Как сообщает в «Истории династии Вэй», старший сын их первого предводителя Туяхуна – Туянь – после смертельного ранения сказал своему сыну Еяню и военачальнику Хэбани: «После того как у меня прекратится дыхание и гроб захоронят, скорее уходите и укройтесь в Байлане»²².

Как пишет Л. Р. Кызласов, в таштыкскую эпоху, до начала IV в., на Енисее, Абакане и Верхнем Чулыме сооружались деревянные склепы-усыпальницы, в которых, нередко в два яруса (на полу и на особых полотах-нарах), хоронились кучки останков от людей: от десяти-двадцати до ста-двухсот человек. Такие склепы, по его мнению, скорее всего являлись общими кладбищами для населения отдельных военно-административных десятков, сотен, полутысяч и тысяч, обитавших в отведенных им уделах. Во всяком случае, пишет ученый, нами давно отмечался факт обнаружения в ранних таштыкских склепах разных по погребальному обряду захоронений людей, которые, видимо, относились к различным этническим группам населения, различающимся по своему происхождению²³.

С другой стороны, можно было бы предположить, что эта оригинальная казнь была перенята у окружающих волжских булгар со всех сторон представителей огромного финно-угорского мира Волго-Уралья. Однако у них подобных обычаев не зафиксировано. На некоторые догадки могут натолкнуть лишь этнографические материалы народов Среднего Поволжья. Так, А. В. Збруева, анализируя находки жертвенного места в Камне Дыроватом, относит их к Ананьинской культуре. При этом, автор указывает на интересный обычай удмуртов класть в ящик, посвященный домашнему или родовому божеству, изображение предмета, обещанного в жертву, и хранить его там до выполнения обета²⁴.

Впрочем, обычай помещения в ящик (коробку, кузов) божеств, духов и т. п., а также предназначенных им предметов, присутствовал и у тюркских народов. До недавнего времени он сохранялся и у поволжских чувашей. Так, в языческой чувашской религии существовали домашние духи «йерехи», насылающие болезни, всяческие неприятности, нередко причисляемые к злым духам. По предположению этнографов, изначально йерехи могли рассматриваться как семейно-родовые божества – покровители своего рода, но проявляющие враждебность к представителям чужого рода. Такой взгляд подтверждается и тем, что, по воззрениям чувашей, болезни вызывают йерехи, принадлежащие другому роду. К тому же, чувашские девушки в отдаленном прошлом, выходя замуж, получали в дар от родного дома и йереха с кузовом и вешали его в новом жилище, а родители обзаводились новым йерехом. Последний факт, по мнению П. В. Денисова, более свидетельствует о принадлежности йерехов именно к группе семейных божеств-покровителей²⁵. Еще в 20-30-х гг. XX в. среди чувашей были отмечены пережитки культа йереха – божества-покровителя рода и домашнего очага, жертвоприношения богам-покровителям земледелия

и скотоводства. «Остатки старых религиозных верований, семейные, индивидуальные и общественные жертвоприношения или другие обряды магического характера, говорилось в постановлении бюро Чувашского обкома ВКП(б) от 18 сентября 1931 года, наносят громадный хозяйственный ущерб»²⁶. Однако было слишком смелым предположением объяснить происхождение этой казни, лишь на основании указанных этнографических материалов, в которых предполагаемый домашний дух помещался в коробку и подвешивался в помещении.

При этом нельзя утверждать, но с большой долей оснований можно предположить, что этот обычай чуваша переняли у финно-угорских народов Среднего Поволжья. В связи с этим, интересны выводы этнографа якутов В. В. Ушницкого, который на основе многочисленных материалов утверждает, что непременным атрибутом в происхождении кыпчаков выступают дерево и лес. Возможно, пишет он, этноним «кыпчак» непосредственно связан со словом саха-якутов «кыпчий», «кыбытыр» – зацепить, заземлять²⁷. Здесь же необходимо остановиться на исследованиях Ф. Ф. Васильева, указывающего на вместилище духа умершего саха-якута, которое называлось «купсуй». Это был маленький «гробик» из полого обрубка дерева, обвязываемый шаманами веревкой и устанавливаемый на верхней полке матицы дома. Этот «свистящий» фетиш, купсуй, напоминал берестяной короб «туктуйэ» и сопоставим с ритуальным барабаном «купсуур». Любопытно, пишет исследователь, что для изготовления барабана «дьолоккой купсуу» якуты выбирали комель огромной дуплистой лиственницы. Во время утренней и вечерней прохлады люди ставили барабан широкой стороной вверх и били по нему палками. При этом, барабан купсуу, употребляемый во время похорон или свадеб, могли использовать лишь шаманы²⁸.

В своих изысканиях Ф. Ф. Васильев устанавливает прямую связь между стоячими барабанами «табык» и каменными древнетюркскими изваяниями, обозначенными учеными как «половецкие бабы». Согласно его утверждениям, начало этого обряда, видимо, восходит к глубокой древности, когда люди хоронили останки своих покойных сородичей (кости, пепел) в дуплах растущих деревьев. Позднее, пишет ученый, внутри дуплистых деревьев якуты замуровывали коробки туктуэ²⁹.

Сарматы, поселившиеся в I в. на Среднем Днепре, вдруг стали хоронить своих покойников в деревянных склепах, хотя роксоланам в Приазовье такой обряд был совершенно неизвестен. Зато, по утверждению исследователей, он соответствует погребальным обычаям скифов-пахарей, территорию главного царства которых и заняли сарматы³⁰. Деревянные склепы есть и в Черняховском могильнике (Винницкая область). Этническую принадлежность похороненных здесь, как правило, связывают с племенами готов с примесью позднескифских выходцев из Причерноморья. Но подвешивания гробов к деревьям у них не зафиксированы...

Указанный вид казни у волжских булгар сильно напоминает и традицию воздушного погребения – один из древнейших религиозных обрядов похорон умерших людей, в котором «погребение» совершается путем подвешивания тела умершего в воздухе, с целью предания тела умершего воздуху, духу, свету, дереву и т. п. Волжские булгары так же оставляли несчастного, «чтобы постигло его действие дождя и солнца», «развевали ветры». Этот обряд существовал у многих народов древности и до сих пор встречается у некоторых племен Южной Америки. Религиозная мотивировка подобного обряда у разных народов была разная, у некоторых он совершался в отношении всех покойных членов общества, у других – в отношении только знатных, «избранных». Воздушное погребение практиковалось у предков грузин,

абхазо-адыгских народов, японцев, многих тюрко-монгольских народов (отчасти указанных нами) и народностей Севера России, индейцев Северной Америки и пр.

Другой похожий обряд, когда погребальные сооружения в виде гробов размещаются на скалах высоко над землей, до сих пор встречается в некоторых странах, в том числе в регионах Китая (в т. ч. Тибете), Филиппин, Индонезии.

В свете рассматриваемого надо вспомнить «Сказание о Йусуфе» Кул Гали, произведение болгарского автора начала XIII в., т. е. исламского периода развития Волжской Булгарии. В одном из сюжетов главный герой был заключен в темницу. При этом, вначале для него был «сооружен сундук», в который его посадили, закованного в цепях, и таким образом содержали в темнице. Несмотря на то, что его вскоре освобождают из сундука, в темнице он проводит двенадцать лет³¹. Это не может не напоминать подобную деталь у волжских болгар-язычников при казни за убийство соплеменника, когда преступника заколачивают в деревянный ящик. Это также дает основание полагать, что некоторые детали и нюансы языческих обрядов сохранялись и в последующие века после принятия волжскими булгарами ислама, вплоть до монгольского нашествия³².

Таким образом, в случае с волжскими булгарами при казни преступника, мы видим некое соединение двух похоронных обрядов: похорон в гробах с похоронами воздушными. Оба обряда были характерны для представителей древнего и раннесредневекового тюрко-монгольского сообщества. Соединение этих обрядов, т. е. наиболее близкие к рассматриваемой казни у волжских болгар аналоги, фиксируется у потомков народа дунху – орочи и тупо (дубо), с помещением тел покойных в ящики и развешиванием их на деревьях и у кумоси – с обертыванием трупов тростником и вешанием на деревьях. Главное отличие от них болгарской казни – заколачивания в подвешиваемый ящик живого человека – можно объяснить следующим. В действиях волжских болгар видится некое соединение двух видов наказания – смертной казни и пожизненного заключения. Учитывая, что такого вида казни, как пожизненное заключение в тот период практически не существовало, и то, что преступник в подвешенном ящике мог прожить всего несколько дней, его, скорее всего, надо воспринимать уже как труп. В таком случае, преемственность этих обычаев становится более очевидной, особенно, учитывая родственность их носителей.

Не менее вероятным кажется сходство этого обычая с традицией древних людей хоронить останки покойных сородичей (кости, пепел) в дуплах растущих деревьев. Очевидно, что места подобных «захоронений» становились местами особыми, сверхъестественными, а сами покойники почитались живыми. Напомним, что по сведениям Ибн Фадлана, в обществе волжских болгар практиковался обычай, согласно которому людей, отличавшихся от соплеменников неординарностью, будь то умом, сообразительностью, силой, другими развитыми качествами, казнили повешением на дереве. При этом имелось ввиду, что повешенный таким образом удостоен чести как «должный служить богу»³³. После такой казни он становился своего рода святым.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мухаммадеев А. Р. Право Волжской Болгарии. Часть 1. Преступления и наказания, правосудие. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 42.
2. Тагиров Э. Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. – С. 183.

3. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков: Издательство Харьковского государственного университета им. М. Горького, 1956. – С. 137.
4. Там же. – С. 178.
5. Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа... – С. 200.
6. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го цжи). – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1979. – С. 310.
7. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 155.
8. Там же. – С. 143.
9. Там же. – С. 144.
10. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – С. 348.
11. Таскин В. С. Материалы по истории... – С. 157.
12. Там же. – С. 163.
13. Там же. – С. 189.
14. Там же. – С. 135.
15. Там же. – С. 136-137.
16. Там же. – С. 139-140.
17. Там же. – С. 64.
18. Там же. – С. 227.
19. Там же. – С. 244.
20. Там же. – С. 251.
21. Там же. – С. 257.
22. Там же. – С. 217.
23. Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. Учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Высш. шк., 1984. – С. 26.
24. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / Материалы и исследования по археологии СССР. – № 28. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – С. 263.
25. Денисов П. В. Религиозные верования чуваш (Историко-этнографические очерки). – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – С. 37.
26. Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1972. – С. 399.
27. Ушницкий В. В. Средневековые народы Центральной Азии (вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). – Казань: Изд-во ФЭН» АН РТ, 2009. – С. 39-40.
28. Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. – С. 204-205.
29. Там же. – С. 289-290.
30. Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы: взаимовлияние в религиозно-мифологической сфере / Хазарский альманах. – М., Мосты культуры / Гешарим, 2004. – Т. 2. – С. 35.
31. Кул Гали. Сказание о Йусуфе (пер. С. Иванова). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1985. – С. 156.
32. Мухаммадеев А. Р. Право Волжской Болгарии. Ч. 1. Преступления и наказания, правосудие. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 104.
33. Ковалевский А. П. Указ. соч. – С. 137.

Список литературы

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 382 с.

Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. – 224 с.

Денисов П. В. Религиозные верования чуваш (Историко-этнографические очерки). – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 408 с.

Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1972. – 471 с.

Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы: взаимовлияние в религиозно-мифологической сфере / Хазарский альманах. – М., Мосты культуры / Гешарим, 2004. – Т. 2. – 200 с.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го цжи). – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1979. – 609 с.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков: Издательство Харьковского государственного университета им. М. Горького, 1956. – 348 с.

Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М.: Высш. шк., 1984. – 167 с.

Мухаммадеев А. Р. Право Волжской Болгарии. Часть 1. Преступления и наказания, правосудие. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 144 с.

Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 223 с.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / Материалы и исследования по археологии СССР. – № 28. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 276 с.

Тагиров Э. Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. – 391 с.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 488 с.

Ушницкий В. В. Средневековые народы Центральной Азии (вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – 116 с.

References

Bichurin N. YA. (Iakinif). *Sobraniye svedeniy o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevneyshiye vremena. T. I* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in the earliest times. Vol. 1]. Moscow-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR publ., 1950, 382 p.

Vasilyev F. F. *Voyennoye delo yakutov* [Military affairs of the Yakuts]. Yakutsk: Nats. kn. izd-vo "Bichik" publ., 1995, 224 p.

Denisov P. V. *Religioznyye verovaniya chuvash (Istoriko-etnograficheskiye ocherki)* [Chuvash religious beliefs (Historical and ethnographic essays)]. Cheboksary: Chuvash. gos. publ., 1959, 408 p.

Denisov P. V. *Religiya i ateizm chuvashskogo naroda* [Religion and atheism of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye publ., 1972, 471 p.

Dudko D. M. *Slavyane i sarmato-alany: vzaimovliyaniye v religiozno-mifologicheskoy sfere* [Slavs and Sarmatian-Alans: mutual influence in the religious and mythological sphere]. IN: *Khazarskiy almanakh*. Moscow: Mosty kultury / Gesharim publ., 2004, vol. 2, 200 p.

Ye Lun-li. *Istoriya gosudarstva kidaney (Tsidan'go tszhi)* [History of the Khitan State (Qidan Guo Ji)]. Moscow: Izdatelstvo "Nauka". Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury publ., 1979, 609 p.

Kovalevskiy A. P. *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. Statyi, perevody i kommentarii* [Book of Akhmed Ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921-922. Articles, translations and comments]. Kharkov: Izdatelstvo Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. Gorkogo publ., 1956, 348 p.

Kyzlasov A. R. *Istoriya Yuzhnoy Sibiri v sredniye veka* [History of Southern Siberia in the Middle Ages]. Moscow: Vyssh. shk. publ., 1984, 167 p.

Mukhamadeev A. R. *Pravo Volzhskoy Bolgarii. Chast 1. Prestupleniya i nakazaniya, pravosudiye* [The Volga Bulgaria law. Part 1. Crimes and Punishments, Justice]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT publ., 2013, 144 p.

Parker E. *Tatary. Istoriya vozniknoveniya velikogo naroda* [Tatars. The history of the emergence of great people]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf publ., 2008, 223 p.

Smirnov A. P. *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzhya i Prikamya* [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama regions]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on the USSR archaeology]. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR publ., 1952, no. 28, 276 p.

Tagirov E. R. *Na perekrestke tsivilizatsiy. Istoriya tatar v kontekste kultury mira* [At the crossroads of civilizations. History of Tatars in the context of the world culture]. Kazan: Tat. kn. publ., 2007, 391 p.

Taskin V. S. *Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov gruppy dunhu* [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatelstva "Nauka" publ., 1984, 488 p.

Ushnitskiy V. V. *Srednevekovye narody Tsentralnoy Azii (voprosy proishozhdeniya i etnicheskoy istorii tyurko-mongolskikh plemen)* [Medieval peoples of Central Asia (the origin and ethnic history of the Turkic-Mongol tribes)]. Kazan: Izd-vo "Fen" AN RT publ., 2009, 116 p.

Сведения об авторе

Мухаммадеев Алмаз Раисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: almazrm42@mail.ru

About the author

Almaz R. Mukhamadeev, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at Sh. Mardzhani Institute of History, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: almazrm42@mail.ru

В редакцию статья поступила 18.01.2021, опубликована:

Мухаммадеев А. Р. Об одном виде казни у волжских булгар доисламского периода: мифотворчество или реальный обычай? // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 1. – С. 76-85.

Submitted on 18.01.2021, published:

Mukhamadeev A. R. *Ob odnom vide kazni u volzhskikh bolgar doislamskogo perioda: mifotvorchestvo ili realniy obyay?* [A type of execution at the Volga Tatars of the pre-Islamic period: a myth-making or a real practice?]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2021, no. 1, pp. 76-85.